
К.А. Бороздин¹

Нина Александровна Грибоедова

Если для полноты и рельефности биографий многих замечательных деятелей часто необходимы вводные биографии личностей, близко к ним стоящих, то биография Грибоедова осталась бы не вполне законченной, если бы в ней опущен был хотя краткий очерк личности его жены, заслуживающей известности, как по своему высокообразованному образу, памятному всем знавшим ее лично, так и по трогательным и глубоким чувствам любви и преданности к памяти мужа, которого она пережила на тридцать лет. Воспоминание о ней в особенности уместно теперь, когда пятидесятилетняя годовщина со дня кончины Грибоедова во многих местах нашего отечества чувствуется русским обществом, и сообщаемые нами биографические о ней заметки, полагаем, не будут лишены современного интереса.

Нина Александровна Грибоедова была урожденная княжна Чавчавадзе — этого старинного рода грузинских князей, в особенности выдвинувшихся вперед за последние два царствования царей грузинских, Ираклия II и Георгия XII.

Отец Нины Александровны, единственный сын Герсевана Чавчавадзе, заботам которого Грузия обязана присоединением к России, князь Александр родился в Петербурге, получил прекрасное по-тогдашнему образование и, вступив в военную службу, участвовал в Отечественной войне 1812 г. Перейдя затем в кавказские войска, командовал славным нижегородским драгунским полком, занимал видные административные посты и с замечательными качествами общественного деятеля соединял горячую любовь к своей родине и блестящее дарование поэта. Не говоря о многих оригинальных его произведениях, можно указать на несколько элегий и стансов Пушкина, прелестно переложенных им на грузинский язык; к ним тогда же прилажены были напевы грузинские, и до сих пор они остаются любимыми романсами грузинских девушек. Но главная заслуга князя Александра заключалась в том, что он успел дом свой сделать прочным звеном между обществом грузинским и русскими людьми, ехавшими служить на Кавказ. Владеющий в совершенстве своим родным языком, настолько же, как и русским, уважаемый и любимый русскими и туземцами, князь был не только прекрасным толмачом между двумя объединившимися политически, но дотоле совершенно чуждыми одна другой и по языку и по своей истории национальностями, но и живым проводником их полного слияния. В доме его царило широкое гостеприимство, а хозяин и хозяйка носили на себе ту особенную печать радушия, которая памятна и до сих пор старикам, прошедшим юность свою в Тифлисе. Князь Александр довершал в полной мере дело, начатое его отцом. Герсеван политически приурочил Грузию к России, а сын его благодаря своему личному характеру сблизил грузин с русскими. Всякий русский, занесенный на дальнюю чужбину, дышал у него родным воздухом; всякий грузин шел к нему с душою нараппашку; тут они встречались и научились понимать и любить друг друга.

После всего сказанного становится понятным, что Грибоедов, переведенный в 1822 году из миссии в Персии в Тифлис чиновником по дипломатической части при Ермолове, не мог не познакомиться с домом Чавчавадзевых. Он вскоре близко сошелся с князем Александром, который, как сам поэт, более других мог понять и оценить его личность, и между ними установилась самая искренняя, самая теплая дружба. На глазах Грибоедова росла и воспитывалась старшая дочь князя Чавчавадзе Нина (родившаяся в 1812, ноября 4); он был зачастую репетитором ее уроков музыки; она привыкла не считать его

---

¹ К.А. Бороздин (даты жизни неизвестны) — в 1850-х проживал на Кавказе, служил чиновником для поручений при губернаторе, затем окружным начальником в Мингрелии.

чужим, не стеснялась с ним в детской своей беседе, тем самым обнаруживая все прекрасные качества своих способностей и характера, и в первую пору своего полного расцвета вызвала в душе его сильное и глубокое чувство любви, присущее лишь человеку, вступившему в возраст зрелости. Грибоедов женился, когда ему было 33 года, а Нине Александровне не было еще и шестнадцати. Она была в полном смысле красавица: стройная, грациозная брюнетка, с чрезвычайно приятными и правильными чертами лица, с темно-кариыми глазами, чарующими всех добротою и кротостью. Грибоедов иначе не называл ее, как «Мадонной Мурильо».

Письма его к Булгарину, относящиеся к этой эпохе, исполненные искренности и задушевности, живо рисуют настроение поэта, при котором он решился на столь серьезный шаг, как женитьба.

«Это было 16 <июля 1828 г.>, – пишет он. – В этот день я обедал у старой моей приятельницы (Ахвердовой), за столом сидел против Нины Чавчавадзе (второй том Леночки), все на нее глядел, задумался, сердце забилось; не знаю, беспокойство ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную; выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: “Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать”. Она меня послушалась, как и всегда, верно думала, что я ее усажу за фортепиано, вышло не то; дом ее матери возле, мы туда уклонились, вошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее; она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери, Пракс. Ник. Ахвердовой, нас благословили, я повис у ней на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. Между тем выюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад... В Гумрах же <Александрополь> нагнал меня ответ от князя Чавчавадзе-отца, из Эривани; он благословил меня и Нину и радуется нашей любви. Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других обязанностей. Вздор! Я буду вдвое старательнее за себя и за нее. Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить».

В следующем письме он говорит:

«По возвращении из действующего отряда сюда, в Тифлис, 6 августа, я занемог желтою лихорадкою. К 22-му получил облегчение, Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился».

Всякому знакомому с Востоком, и в особенности с тогдашнею Персией, понятно то тягостное настроение души, которое испытывал Грибоедов перед тем, чтобы отправиться к своему новому важному посту полномочного министра. Перед ним была, как и сам он выражается, в тех же местах — «политическая ссылка». И действительно, человеку, привыкшему все сердце и душу полагать в то дело, которому он служит, нельзя было спокойно относиться к предстоявшей ему, быть может надолго, деятельности в среде уже знакомой, в высшей степени душевной и тягостной своим коварством, лживостью, фанатизмом, невежественностью. Вдобавок Персия тогда только что вышла из войны с нами, поконченной весьма прискорбным для нее трактатом туркманчайским (участие в нем, и самое деятельное, принимал Грибоедов), и если затаенное чувство злобы побежденных было бессильно по отношению к самой России, то для политических ее агентов оно не могло не обещать ряда серьезных опасностей. Грибоедов сознавал это вполне; но сердце его отдалось сильнейшему и прекраснейшему чувству.

Из немногих отрывочных воспоминаний о Грибоедове людей близких к нему, в том числе и П. Каратыгина, видно, что с своим громадным талантом поэта, художника и сердцеведа-сатирика он соединял чрезвычайно разносторонние знания. Он был прекрасный музыкант и владел в совершенстве несколькими европейскими языками, близко знаком был с Востоком и при всем этом был человеком в высшей степени общительным и симпатичным. Ему всего полгода пришлось вкушать счастье с Ниной Александровной, но и этого короткого промежутка времени было достаточно для беспредельно полюбившей его женщины, чтобы в прекрасной ее душе навсегда и неизгладимо запечатлелся его гениальный образ...

Когда Грибоедов в последних числах декабря 1828 года поехал в Тегеран, откуда он рассчитывал вернуться много-много через месяц и откуда он уже не возвратился, Нину Александровну он оставил в Тавризе на пятом месяце беременности. Но что такое Тавриз, как и всякий персидский город, по отношению к европейской женщине? Буквально тюрьма!

С открытым лицом она не смеет показаться на улицу, правоверные мусульмане, страшась соблазнительного примера своим женам и революции в своих гаремах, закидают ее камнями. Вся жизнь ее должна поэтому проходить в четырех стенах посольского дома и разнообразиться свиданиями с такими же пленницами из других европейских миссий. Хорошо еще, если они есть там; а если нет? — что и часто случается. Но к счастью для Нины Александровны, она нашла приятное знакомство в семействе английского консула: его жена и несколько взрослых дочерей полюбили молоденькую Грибоедову как родную, и дня не проходило, чтобы они не сходились и не наполняли досуги музыкой, чтением, рукоделием, беседою. Кроме того, у Нины Александровны гостил родственник ее, отставной драгунский капитан, князь Роман Чавчавадзе, носивший ее когда-то на руках, любивший ее как родную дочь и присланный сюда ее отцом в качестве пестуна, имеющего необыкновенный дар вносить с собою повсюду веселость и смех своим юмором и остроумными затеями. Грибоедов любил его без памяти, был давнишним его приятелем и, уезжая в Тегеран, был покоен за жену, оставляя ее на таких руках.

А между тем, как ни был симпатичен и забавен Роман, как ни было любезно семейство консула, разлука с мужем все более и более становилась тягостною и в особенности в положении беременности. Прошел месяц... было несколько писем, суливших скорое возвращение, и затем они прекратились. Объясняли это скверными дорогами Персии, неустройством почтовых сообщений и тому подобными благовидными предложениями и вдруг... пришло известие о катастрофе, постигшей Грибоедова... К счастью, успели скрыть его от Нины Александровны и замаскировали комбинацией, придуманной князем Романом. Чиновник миссии, привезший известие, по наставлению Романа, уверил Нину Александровну, что Грибоедов здоров, но до того занят, что не имел времени написать к ней ни строчки, а поручил ему передать ей на словах, что дела задержат его в Тегеране надолго, и потому он просит ее возвратиться в Тифлис к своей матушке и ожидать там его приезда. Требовалось много умения и ловкости всех окружавших бедную женщину, чтобы разыгрывать с нею эту грустную, но необходимую для ее же благополучия мистификацию; сердце-вещун не менее того шептало ей, что от нее утаивают что-то мрачное и роковое, она колебалась и не знала, на что решиться; но, получив письмо от отца, бывшего тогда правителем Армянской области (нынешней Эриванской губернии), в котором он писал ей все то же, что говорили в Тавризе, и уведомлял, что выехал к ней навстречу в Джульфу, она склонилась на поездку.

До Тифлиса довели ее благополучно и сдали на руки матери. Конечно, и тут ничем не могли ее успокоить: время шло, писем по-прежнему не было от Грибоедова, что не могло не казаться ей неестественным при испытанной ею горячей его любви; тревоги ее все более и более росли, и, наконец, совершенно случайно она натолкнулась на ужасную истину. Жена графа Паскевича, тогдашнего главноуправляющего Грузией, двоюродная сестра Грибоедова, заехала однажды к Нине Александровне в то время, когда матери ее, княгини Саломе Чавчавадзе, не было дома, стала, конечно, говорить об отсутствующем Грибоедове и о молчании его, запуталась в своих словах под учащенными вопросами встревоженной Нины Александровны и кончила тем, что, расплакавшись, нехотя раскрыла несчастной женщине так долго и тщательно скрываемое от нее. С тою сделался страшный истерический припадок, и на другой день она разрешилась недоношенным ребенком. Неосторожность светской болтуни лишила Н.А. даже счастья быть матерью. Поистине, можно сказать, судьба чересчур жестоко отнеслась к этому молодому, лишь начавшему свою жизнь существу. Шестнадцатилетняя вдова осталась на всю жизнь верна памяти своего мужа; она обрекла себя служению этой святыне и, не отрываясь

от той среды, в которой родилась и жила, свято выполнила свой обет. А сколько претендентов являлось на ее руку! В числе их многие приносили ей, вместе с блестящими личными качествами, и высокое положение общественное, и богатство, и громкое имя, — но никому не подарила она своей склонности. Для нее не было имени выше Грибоедова, и все блестящие претенденты казались ей бледными перед тем гениальным образом, который она постоянно носила в своей душе.

Тело Грибоедова перевезла она в Тифлис и похоронила на горе св. Давида. Более величественного места нельзя было выбрать для могилы нашего знаменитого писателя, и выбор этот был сделан Ниной Александровной потому, что гора св. Давида была любимым местом прогулок Грибоедова. На могиле она поставила часовню, а в ней памятник, изображающий молящуюся и плачущую перед распятием женщину — эмблему ее самой; на памятнике следующая надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя».

Когда случалось Нине Александровне проживать в Тифлисе, редкую неделю не взбиралась она пешком на крутую гору св. Давида, для того чтобы навестить драгоценный для нее прах...

Но как же, спросят, сложилась затем жизнь этой женщины, недоступной для всех претендентов на ее руку? Она посвятила ее родным, друзьям, знакомым и сделала из нее, если можно так выразиться, одно сплошное благотворение.

До супружества сестры своей, Екатерины Александровны, вышедшей замуж за владетеля Мингрелии, Давида Дадиани, она выезжала с нею в свет; затем воспитывала меньшую сестру Софью Александровну, впоследствии баронессу Николаи; а когда у брата ее Давида стали подрастать дети, она взяла к себе на воспитание третью дочь его, Елену, чрезвычайно слабую и болезненную девочку, и с нею не расставалась до своей кончины: положительно можно сказать, что она выходила и взлелеяла этого ребенка. Нина Александровна везде была необходима: и в доме отца в Тифлисе, и в доме брата в Кахетии, и в доме сестры, княгини Дадиани, в Мингрелии. То был ангел-хранитель всего семейства, а в то же время и существо, которому поклонялись все служившие тогда на Кавказе, начиная от главноуправлявших и наместников до самых маленьких чинов. Она носила с собою какой-то особенный ореол благодушия, доступности, умения войти в нужды каждого и делать эти нужды других всегда своими.

В манерах ее не было и тени суетливости, притворности и сентиментальности, столь свойственных огорченным вдовушкам; она вполне обладала изящною простотою тона, составляющего секрет женщины самого высокого круга и воспитания, и всем этим нехотя подкупала всякого. Отказа в ходатайствах своих она не слыхала ни от кого из высокопоставленных; это было всем известно, и ее осаждали просьбами. Она за всех хлопотала. Нашалит ли юноша-воин и ему грозит что-нибудь серьезное, он отправляется к Нине Александровне и рассказывает ей все откровенно; та его пожурит очень серьезно, сама же все-таки отправится куда следует, хотя к самому наместнику, и дело устроивается. Надо ли попасть в отряд, идущий в дело, а попасть не так легко — желающих бездна, избранных же немного, — обращаются к ходатайству Нины Александровны, и та опять хлопочет и улаживает. Все обиженные, все ищущие помощи и защиты находили в ней себе самого деятельного за них адвоката; она не умела отказывать никому в своем ходатайстве. Зато вряд ли можно иметь более популярности, чем та, которою пользовалась она на Кавказе, где память о ней сохранилась и до сих пор во всех слоях общества.

А сколько было безнадежно влюбленных в нее юношей и не-юношей. Сколько писалось и посвящалось ей разных посланий в стихах и сочинялось всякого рода музыкальных пьес.

Материальные средства Нины Александровны были весьма ограничены: приданое свое она давно раздала, а из 2000 руб. пенсии, получаемой ею после мужа, половину наверное тоже раздавала, так что была весьма далека от прихотей и роскоши. Когда жену и семейство брата ее постигла известная катастрофа — плен Шамиля — и брат ее нуждал-

ся в деньгах для выкупа, она просила наместника выдать ей в ссуду вперед пенсию за пять лет и, получив эти 10 тыс., отдала их тотчас же брату. В 1853 году сестра ее Дадияни овдовела; муж ее, владетель Мингрелии, скончался полный сил, лет сорока, от острой, скоротечной болезни, помешавшей ему сделать необходимые распоряжения на случай смерти. Кроме забот о воспитании четверых малолетних сирот, у княгини остались на руках дела по управлению владением, по имуществу детскому, и все это происходило в то время, когда Мингрелия вошла уже в район театра только что начавшейся восточной войны. Нина Александровна тотчас же поспешила к сестре, чтобы, по крайней мере, облегчить ей заботы о детях, и погостила у ней почти полтора года. К этой-то эпохе и относится знакомство автора настоящих заметок с Ниной Александровной: ему привелось более года прожить с нею под одной кровлею и ежедневно пользоваться ее беседою.

В статье своей «Омер-паша в Мингрелии», помещенной в июне и июле 1873 года в «Военном сборнике», сгруппировал я воспоминания свои о проведенных мною в той стороне трех годах восточной войны. Из этой статьи читатель может узнать, что командированный канцелярией наместника кавказского для ведения переписки правительницы Мингрелии и вместе с тем для воспитания двух ее сыновей, я был, так сказать, временным членом семьи княгини Дадияни, и таким образом состоялось знакомство мое с Ниной Александровной Грибоедовой, гостившей у своей сестры, а новая и совершенно чуждая для меня среда, в которой я разом очутился, способствовала сближению этого знакомства. В те времена попасть прямо из Петербурга в Мингрелию было резким переходом. По тогдашнему общественному своему складу и местным обычаям страна эта была каким-то археологическим обломком средневекового феодализма с целой градацией сословий, подчиненных одно другому, с своим особенным этикетом, совершенно детскими интересами, возведенными в серьезный культ, вроде охоты на зайцев и лисиц, чистки оружия, ухода за лошадьми, натаскивания собак и проч., и проч.; полнейшее равнодушие ко всему творящемуся за пределами своего уголка и, за весьма редкими исключениями, совершенное незнание какого-либо другого языка, кроме своего родного диалекта. Уголок, настолько девственно сохранившийся от всякого прикосновения к нему цивилизации, мог бы, пожалуй, доставлять тогда интересный материал для летучих набросков туриста, отыскивающего диковинки; но жить в нем и быть деятелем человеку совершенно новому — было иное дело. Ему на всяком шагу нужны были: толкование, разъяснение, руководство для того, чтобы уживаться с людьми, ладить с ними, не вызывая в них, совершенно нехотя, неудовольствия. Всякий, кому случалось проходить подобный процесс ознакомления с совершенно чуждою средою, поймет меня. Конечно, года через два-три отношения мои к той же среде стали совершенно иные, взгляд мой на туземцев во многом изменился; они меня поняли, и я их понял благодаря тому, что местный язык сам собою ко мне навязался, а затем завязались со многими из них самые дружеские отношения. Но самое трудное тут было, как и во всем, — начало, и мои первые шаги похожи были на шаги человека, играющего в жмурки. Вот при каких условиях и обстановке привелось мне познакомиться с Ниной Александровной и найти в ней самую благосклонную руководительницу и истолковательницу всего для меня нового, непонятного и казавшегося мне диким в среде туземной. Нечего и говорить о том, что между туземцев она пользовалась полнейшим их обожанием, в совершенстве говорила их языком и своею всегдашнею приветливостью не только не давала чувствовать им своего превосходства, но и возвышала до одного уровня с собою. Наш европейский кружок был весьма невелик. Он состоял из самой княгини, Нины Александровны, воспитательницы дочери княгини м-ль Берг, доктора С. Суханова и меня. Княгиня до того завалена была с утра до вечера всякого рода делами, что редко уделяла нам свои досуги, поэтому кружок наш группировался преимущественно около ее сестры.

Нине Александровне было тогда 42 года, но по наружности своей она замечательно сохранилась и казалась далеко моложе своих лет; многие молодые женщины могли бы

еще и тогда позавидовать прекрасным ее волосам, черным, как вороново крыло, и совершенно сохранившимся зубам; а глаза ее, кажется, никогда не могли состариться: столько было в них выражения доброты, приветливости и ясности душевной; цвет лица у нее был матово-бледный; росту она была немного выше среднего; всем ансамблем своей личности она производила такое впечатление, что лучшего сравнения ее, как то сделал сам Грибоедов, с мадонной Мурильо, нельзя было приискать.

Беседа с нею велась как-то особенно легко и приятно. Она не была ни ханжой, ни скучной моралисткой, ни синим чулком и всегда охотно отзывалась на шутку и веселость в разговоре. Для меня особенно драгоценно было встретить знакомство в ней с Москвою и ее обществом, где она прожила целый 1846 год, поехав туда на свадьбу брата своего Давида, женившегося на княжне Анне Ильинишне Грузинской. У нас много нашлось общих знакомых из московского общества, отчего и разговор о Москве становился для нас интереснее. В Москве она впервые встретилась с родною сестрою Грибоедова, Марьей Сергеевной Дурново, знакомой ей дотоле лишь по письмам. Они сошлись как родные сестры, конечно, горько поплакали при воспоминании о дорогом им покойнике, и с тех пор между ними шла самая сердечная и искренняя переписка.

Любимым ее воспоминанием было все относящееся до Александра Сергеевича, и она охотно о нем рассказывала. В этих простых сердечных рассказах рисовался человек сильный душою, умеющий собою владеть и казаться наружно спокойным и равнодушным, но вместе с тем в высшей степени пылкий и страстный. Он не умел и не мог ничего делать наполовину: на своем последнем политическом посту он был глубоко проникнут сознанием его важности и усиленно работал. Во все без исключения близкие ему интересы он посвящал свою молоденькую жену, умел становиться при истолковании их на уровень ее юных понятий; но в особенности любил он заниматься с нею музыкой, был учителем строгим и старался воспитать ее вкус классической школой. Много знала Нина Александровна пьес и его собственной композиции, весьма замечательных оригинальностью мелодии и мастерскою обработкою, — она охотно их играла любящим музыку. Из них в особенности была хороша одна соната, исполненная задушевною прелести; она знала, что эта вещь была моя любимая, и, садясь за фортепиано, никогда не отказывала мне в удовольствии ее прослушать. Нельзя не пожалеть, что пьесы эти остались не записанными никем: Нина Александровна унесла их с собою.

Зимой 1854/55 княгиня переехала из летней своей резиденции, Горди, в м. Кваши-хоры, и наша жизнь значительно оживилась соседством лагеря гурийского отряда. Оттуда стали ездить к нам многие офицеры, из которых особенно близкими нашему кружку сделались: майор Илиодор Дмитриевич Ивин, батальонный командир куринского полка, и Александр Иванович Поливанов, разжалованный из ротмистров уланского полка и сосланный на Кавказ за дуэль с Гербелем. В эту же зиму государь его помиловал; ему было все возвращено, и он снова вернулся в Петербург. Оба они, Ивин и Поливанов, служившие прежде в гвардии, были люди хорошего тона и за свои личные качества пользовались общим уважением; излишне было бы говорить о впечатлении, произведенном на них Ниною Александровной, да и они ей очень понравились. В числе лагерных гостей наших не обошлось и без комического типа: то был полковник N полка С.А.О., чистейший представитель той глубокой армейщины, которая так знакома была в те времена нашим провинциальным городам, селам и весям; своими выкрутасами, расшаркиваниями, подходцами и особенно какою-то декламацией в разговоре сильно напоминал он собою Скалозуба, и, представленный Нине Александровне, пустил в ход весь свой осадный арсенал. Можно себе представить, какая тут выходила забавная комедия. Принимая неизменную ко всем любезность Грибоедовой за особенную к нему благосклонность, вызванную его личным очарованием, он лез из кожи, чтобы быть еще очаровательнее, и нужно было действительно иметь благодущие Нины Александровны, чтобы снисходительно выслушивать эти монологи. К счастью для нее, он ездил только по воскресеньям.

В марте месяце посетил княгиню новый тогда наместник Н.Н. Муравьев; он был старинный приятель и Нины Александровны и даже родственник их по первой своей жене, урожденной Ахвердовой. Николай Николаевич приехал на Кавказ один, и, когда должна была переехать его семья, еще не было решено, а потому он увлекал от нас Нину Александровну, прося ее быть хозяйкой на его официальных вечерах, обедах, балах в Тифлисе. Она была всем нужна.

В апреле месяце действительно и она собралась в Тифлис, главным образом для свидания с братом и женой его, возвратившейся с детьми из плена Шамиля. Мы провожали ее до первой станции целою кавалькадой; в числе сопровождавших был и Ивин, который видел ее в последний раз. Осенью этого же года, при переправе Омер-паши через Ингур, Ивин, приняв команду 11-м линейном батальоном, после того как стершие его полковники Званбай и Иосселиани были убиты, был вскоре и сам ранен штуцерною пулею в колено; шесть недель страдал он от этой раны и скончался в Кутаиси, в доме Н.П. Колюбакина. Все знавшие его от души скорбели об утрате достойного человека. В письмах своих, которыми удостаивала меня Нина Александровна, постоянно посылала она ему свои поклоны; а когда дошла до нее весть о том, что он ранен, она сама к нему писала и прислала целый тюк наципанной ею корпии.

В 1856 году, по случаю коронации, княгиня Дадияни поехала в Москву и пригласила с собою и Нину Александровну. После коронации прожили они, по милостивому приглашению государя, целый год в Петербурге и в мае 1857 вернулись в Тифлис. Тут давно уже чувствовалось отсутствие Грибоедовой, ее ждали с нетерпением и в особенности младшая сестра ее, баронесса Софья Александровна Николаи, незадолго до ее приезда сделавшаяся матерью первенца — дочери, названной именем тетки — Ниною. Мне привелось быть в это время на несколько дней в Тифлисе, и, конечно, я был и у Нины Александровны. Она была вполне здорова, чрезвычайно довольна своею поездкою, выговаривала мне, зачем я отказался ехать с ними в Москву. По обыкновению, была весела, приветлива, рассказывала много о коронации, о милостивом приеме государя и государыни, о Петербурге, который видела в первый раз. Жила она в квартире барона Николаи, и у нее всякое утро бывали положительные рауты, весь Тифлис спешил у ней перебивать, и затем ей самой предстоял целый ряд выездов, обедов, вечеров, в честь ее готовившихся. Мне в голову не могло прийти в тот день, когда я пришел с нею проесться перед выездом в Кутаис, что я вижу ее в последний раз...

А между тем вот что случилось. Силы младшей ее сестры восстановились, и она переехала в деревню — июньская жара выгоняла уже всех из Тифлиса; Нину Александровну нетерпеливо ждали уже в Цикандал, к брагу Давиду, в Кахетию; торопили ее оттуда письмами, и она уже собиралась выехать и отправила часть своих вещей вперед, как вдруг неожиданно-негаданно посетила Тифлис, кажется, никогда небывалая в нем и страшная гостья — холера. Одной из первых и немногих жертв ее сделалась Нина Александровна...

Она болела двое суток, и, несмотря на все усилия докторов спасти ее, все оказалось напрасным. Она скончалась 25 июня 1857 года, 45 лет от роду, и кончина ее была так внезапна, что ни брат, ни сестры не успели к ней в Тифлис. Ближайшим из родственников, находившихся при ней, был князь К.Л. Дадияни, брат покойного владетеля Мингрелии, он ей и закрыл глаза. Ее похоронили рядом с мавзолеем Грибоедова, где она заранее приготовила себе место, и в это последнее жилище провожал ее буквально весь Тифлис.

Так покончила свои дни женщина, еще полная сил, дорогая всем, кто ее только знал. О ней нельзя было не плакать, то было существо редко встречавшееся на белом свете: она вся преисполнена была любовью. Как грузинка, она показала выполнением данного ею обета, на какое глубокое чувство христианского самопожертвования способна грузинская женщина во имя любви. Для этого ей не понадобилась ни монашеская ряса, ни келья. Не разрывая связей с той средой, в которой она родилась и жила, всю себя

посвятила она ее служению. Больше всего на свете дорожила она именем Грибоедова и своею прекрасною, святою личностью еще ярче осветила это славное русское имя.

29 января 1879 года. С.-Петербург